

С детства Гао Кэюнь была хороша собой — не та «милая симпатичность», которая быстро приедается, а броская, породистая красота, к которой люди привыкают как к данности и всё равно каждый раз невольно оборачиваются. Да и круг, в котором она росла, не был обычным: там учили держать спину, говорить размеренно, улыбаться вовремя и смотреть так, чтобы тебя понимали без слов. Отсюда и шла эта особая аура — неуловимая, но отчётливая: рядом с ней многие автоматически понижали голос, расправляли плечи и начинали выбирать выражения. Сколько она себя помнила, ей говорили одно и то же — «красивая», «изящная», «настоящая леди».

И вдруг — «лицо большое»?

Линь Луси что, ослеп?

— У меня... лицо большое? — переспросила Гао Кэюнь, и от злости ей даже стало смешно, настолько это прозвучало нелепо. А затем, на пике раздражения, в её голове щёлкнуло: объяснение нашлось мгновенно, как будто она давно ждала повода, чтобы назвать вещи своими именами. — А-а... я поняла. Ты просто пытаешься привлечь моё внимание, да? Линь Луси, какие же у тебя дешёвые приёмы!

Линь Луси:???

Его выражение было настолько искренне растерянным, что в другой ситуации это могло бы даже рассмешить, но Гао Кэюнь не увидела в нём ничего, кроме «притворства». Она не уловила его недоумения — она продолжала говорить, всё больше раскаляясь собственными словами и убеждая себя в их правильности:

— Ты же понимаешь, что я никогда не стану тебя любить, вот и пытаешься любыми способами заставить меня тебя заметить. Пусть даже я буду тебя ненавидеть — главное, чтобы я тебя запомнила! Да как ты вообще можешь быть настолько отвратительным?

Она смотрела на него так, словно перед ней лежало что-то липкое и грязное, к чему неприятно прикасаться даже взглядом. Зрители вокруг, по выражению её лица уже догадавшись, что сейчас полъётся нечто унижительное, сами собой затихли: любопытство всегда сильнее шума. Гао Кэюнь говорила громко, не сдерживаясь, и первые ряды слышали каждое слово — чисто, отчётливо.

Ну конечно.

Вот же — совсем недавно Линь Луси за ней волочился, потом пару дней вёл себя тише, все уже решили, что наконец-то отстал... а выходит, просто копил «что-то большое», вынашивал очередную мерзость.

Кто-то презирал его — и всё равно где-то в груди давило: зависть. Потому что даже такие, как он, умудрялись получать шансы, о которых другим оставалось только мечтать. И от этой

зависти людям становилось ещё злее, ещё теснее внутри, будто горло перехватывало.

Чувствуя, как толпа колеблется в унисон её словам, Гао Кэюнь невольно расправляла плечи: уверенность подпитывалась чужой реакцией. Её лицо стало самодовольным, а тон — ещё более ядовитым: ей хотелось не просто «победить» — ей хотелось втоптать Линь Луси в такую грязь, из которой не отмываются.

На скамье участников даже Крис — та, кто с прежним Линь Луси никогда не ладила, — нахмурилась. Да, Линь Луси мог быть каким угодно, но это не давало Гао Кэюнь права публично обливать его помоями.

Цинь Хао Гао Кэюнь тоже помнил: эта девушка была из тех, кто влюблён в их босса, Юэ Синхэ, и когда-то демонстративно, громко, почти вызывающе заявляла о своих чувствах — и при этом цеплялась, не зная меры. Цинь Хао её не любил: на публике она улыбалась и держалась «по-правильному», а за спиной легко могла выдать совсем другую, холодную, высокомерную сторону. Кроме босса, к остальным она относилась с ощущением безусловного превосходства — будто люди вокруг существуют в качестве фона.

И всё же... босс, кажется, на такое реагировал. На подобных «богинь» — ослепительных, совершенных, недостижимых — у него, как ни странно, всегда находилось терпение: он становился мягче, внимательнее, теплее, чем с обычными людьми.

А теперь они уже почти не сомневались: этот Линь Луси — шпион, причём шпион с дурными намерениями. И если выбирать между знакомой, статусной красавицей и сомнительным «новеньким», которого знают всего несколько дней, разве хоть кто-то будет колебаться? Слепой бы не колебался.

Так думал Цинь Хао — и всё же не удержался, повернул голову, чтобы посмотреть, как на происходящее реагирует Юэ Синхэ.

Юэ Синхэ наблюдал издали, как обычно — с мягкой улыбкой на губах. Его взгляд выглядел спокойным, даже тёплым. В руке он держал жестяную баночку молока и большим пальцем медленно, тщательно водил по ребру крышки, будто ощупывал границу — ищал, где тоньше.

На первый взгляд он ничем не отличался от себя обычного.

Но у Цинь Хао вдруг поднялись мурашки по рукам — без причины, без логики, просто потому, что воздух вокруг босса стал «не таким»: слишком ровным, слишком тихим, как перед грозой.

Тем временем, пока в голове у всех множились догадки, Линь Луси внезапно поднял ладонь, останавливая поток её слов — и с редким для себя выражением полного эмоционального «ноля» посмотрел на Гао Кэюнь тем самым взглядом, который в народе называют взглядом мёртвой рыбы.

— Сестричка, — произнёс он без всякой ласки. — Я тебя не люблю. И я тебя сейчас даже не ругал. Но ты, конечно, открыла мне глаза: оказывается, внешность у человека может быть красивой, а рот — грязным.

Гао Кэюнь взвизгнула, едва не сорвавшись на истерику:

— Это у кого рот грязный?!

Линь Луси считал себя человеком, который в принципе умеет быть галантным и не обижать женщин без нужды... но терпение у него тоже было не бесконечное. Он ковырнул в ухе, словно пытаясь вытряхнуть из головы услышанное, и с явным раздражением бросил:

— Ты биться собираешься или нет? Не собираешься — сдавайся. Я не хочу тратить время на твою болтовню.

Тишина на трибунах взорвалась — как хлопучка, как связка петард.

Люди были уверены: у Линь Луси выпал уникальный шанс, и он, по всем законам «тряпчного поклонника», должен был сейчас униженно подлизываться к «богине», признаваться в любви, а потом красиво «сдаться», чтобы она победила.

Разве он не был тем самым, кого называют «цепляющимся собакой»? Разве не должен был снова начать пресмыкаться?

Появились даже те, кто попытался выкрутить новую версию: мол, он специально идёт от обратного, чтобы всё равно добиться внимания Гао Кэюнь.

Но эту мысль тут же раздавили возражениями.

Да вы посмотрите на него: в его взгляде нет ни капли симпатии. Любовь невозможно спрятать полностью — она всегда выдаёт себя мелочами, интонацией, тем, как задерживается взгляд, как звучит голос.

А у Линь Луси сейчас было написано крупными буквами одно: брезгливость.

И если перевести взгляд на Гао Кэюнь — там всё было ещё ярче. Её самолюбие, её «лицо», её гордость — всё это человек, которого она презирала, сейчас вдавил в землю прилюдно и без жалости.

Гао Кэюнь сорвалась окончательно: глаза покраснели, лицо и шея пошли пятнами, она уставилась на Линь Луси так, словно хотела разорвать его зубами.

И драка началась без предупреждения.

Миг — и оба исчезли с исходных позиций, будто их стёрли с места. Следующий миг — и они уже столкнулись, ударившись скоростью о скорость, силой о силу.

В этом мире, в этой истории, по-настоящему слабых почти не было: кроме разве что прежнего Линь Луси. Все остальные либо обладали сильным талантом, либо стояли на мощной опоре семьи и ресурсов — а чаще всего имели и то, и другое. Иначе рядом с Юэ Синхэ, который был двойным «потолком» — и по потенциалу, и по будущей силе, — такие персонажи выглядели бы неуместными, будто «не дотягивают» до его масштаба.

Гао Кэюнь, как одна из ключевых фигур будущего окружения Юэ Синхэ, была не только высокостатусной — её одарённость среди сверстников считалась одной из лучших: двойной А по психосиле и физике. По популярности среди читателей она уступала разве что Элизе — той, кого любили ещё и за расовую харизму.

Её характер, её колкость и упрямство читатели списывали на «цундэрэ» — а этот типаж, особенно в «двумерной» культуре, всегда имеет немало поклонников.

И главное: она была сильнее прошлого соперника Линь Луси не на «чуть-чуть», а на целую ступень — и в таких вещах разница складывается не арифметикой, а геометрией.

К тому же богатое происхождение редко означает расслабленность. Наоборот: чем выше семья, тем меньше тебе позволено быть посредственной. Ей не дали бы спустить дар «в трубу». Она тренировалась — много, жёстко, регулярно; плюс ресурсы, к которым у неё был доступ, делали её подготовку качественно иной.

Поначалу толпа ещё орала, требуя, чтобы Гао Кэюнь искалечила Линь Луси и вышвырнула его с помоста.

Но прошло две минуты — и крик стал тухнуть.

Сначала отдельные голоса замолкли, затем ряды, затем целые сектора. Люди сидели с распахнутыми глазами, с отвисшими челюстями, не в силах поверить: под непрерывным, плотным, «непробиваемым» давлением Гао Кэюнь Линь Луси не просто держался — он двигался свободно, уверенно, будто не оборонялся, а выбирал момент.

Это было невозможно принять.

Потому что Гао Кэюнь — не фальшивка, её силы не нарисованы. И учитывая её отношение к Линь Луси, она точно не стала бы поддаваться. Её невозможно было подкупить, а уж «пожалеть» — тем более.

Если после прошлого боя ещё кто-то мог нести бред про заговоры и подставы, то сейчас логичнее было бы заподозрить другое: может, Гао Кэюнь перестала тренироваться и внезапно «сдала»? Это хотя бы звучало правдоподобнее, чем то, что происходило у всех на глазах.

Бах! Бах! Бах!

Снова и снова — глухие удары, сцепление костей и мышц, звук, от которого тело помнит боль даже через экран. И если зрителям это было ошеломляющим зрелищем, то Гао Кэюнь, находившаяся лицом к лицу с Линь Луси, ощущала всё ещё яснее: её отношение быстро сменилось — от презрения к полной сосредоточенности.

Она была быстро, жёстко, вкладываясь в каждый удар, и ногами работала так же: скорость и сила не уступали друг другу.

Но что бы она ни делала — в начале, когда атаковала не всерьёз, и потом, когда разозлилась и начала давить по-настоящему, — Линь Луси либо уводил удар, либо принимал его грамотно, либо отвечал так, что это не выглядело мучительной защитой. В его движениях не было суеты, не было «еле-еле», не было растерянности.

И самое страшное для толпы: это уже не походило на прошлую «удачу», где всё сходилась как будто случайно. Сейчас Линь Луси, даже если не показывал психосилу, в чистой рукопашке выглядел не ниже А-класса по физике.

Зрители, которые пришли «посмеяться», сидели оглушённые, как идиоты после удара по голове.

— Но он же... был мусором, — выдавил кто-то.

— Вступительный тест Университета Союза не может ошибаться, — пробормотал другой.

— Тогда... может, его натренировал Юэ Синхэ?

И мысль толпы внезапно сделала резкий вираж, как машина на скользкой дороге, — и врезалась в фигуру Юэ Синхэ: ну а кто ещё? Кто вообще мог быть к Линь Луси добр? Кто мог бы тратить на него время? Да только Юэ Синхэ.

Никому и в голову не приходило, что этот Линь Луси уже не прежний — и что прежние «данные таланта» к нему просто не относятся.

Прошло десять минут. Гао Кэюнь всё ещё не могла взять верх — и злость в ней стала едкой, ядовитой. Её начало буквально тошнить от самого ощущения схватки: в её восприятии каждый контакт, каждый обмен ударами превращался в «то, что он к ней прикасается», будто он нарочно ловит моменты, чтобы «потрогать».

Линь Луси мог бы закончить бой раньше — но в нём вдруг шевельнулась мысль, неприятная своей двусмысленностью: Гао Кэюнь всё-таки из тех, кто в оригинале будет рядом с Юэ Синхэ. «А не стоит ли чуть подыграть?» — мелькнуло. «Не стоит ли “слить” аккуратно, чтобы не нажать лишнего врага?»

В прыжке, в обмене ударами, Линь Луси бросил взгляд на сектор участников. Юэ Синхэ смотрел на него; поймав его внимание, он тут же улыбнулся — глаза чуть изогнулись, и вся улыбка стала похожа на маленькое солнце.

Линь Луси на долю секунды замер — и если бы тело не сработало на инстинкте, он бы схлопотал прямой удар в лицо.

И в этот же миг память, как нож, вскрыла другую сцену — из будущего, из той части сюжета, где «нормальные чувства» уже перестают быть нормальными.

В оригинале Гао Кэюнь сначала просто добивалась Юэ Синхэ, как делают многие: красиво, настойчиво, уверенно. Но позже, ближе к середине и дальше, она тоже ломалась и сходила с ума. Используя власть семьи, она купила на чёрном рынке крайне сильный препарат — вызывающий зависимость и разрушающий мозг, — и, воспользовавшись любовью прежнего Линь Луси, сумела подмешать это Юэ Синхэ.

Там, в тексте, приступы были описаны так, что от одних слов становилось холодно: Юэ Синхэ терял контроль, корчился от боли, скрёб пол, бился головой о стену; пальцы превращались в кровавое месиво, ногти слезали, тело судорожно дёргалось, глаза закатывались, конечности холодели и каменели, он проваливался в обморок.

И всё это — потому что Гао Кэюнь не могла выносить отказ. Она не терпела, когда мир выходит из её контроля.

Если бы Юэ Синхэ не обладал двойным S, чем бы он мог ей возразить? Как бы он вообще смог сказать «нет»?

Линь Луси вспомнил это — и снова увидел улыбающегося Юэ Синхэ, тёплого, открытого... и в груди поднялось чувство, которое трудно было назвать одним словом: смесь злости, отвращения и какой-то болезненной решимости.

Он перестал сдерживаться.

Резко, мгновенно он перехватил запястье Гао Кэюнь, заломил движение и второй рукой ударил — коротко, точно, без лишней амплитуды. Кулак вошёл в щёку так, что её голову дёрнуло в сторону.

Гао Кэюнь на секунду оглохла от шока. Ладонь взлетела к лицу — щека на глазах наливалась

красным и опухала. Голос её сорвался в визг:

— Ты... ты ударил меня?!

— Мой отец меня ни разу не бил! — она захлебнулась яростью. — А ты кто такой, чтобы меня бить?!

Линь Луси смотрел на неё без выражения.

— Потому что у тебя грязный рот.

Её красивое лицо исказилось, словно свело судорогой. Она вскрикнула и начала атаковать иначе — жёстче, злее, с вывернутыми углами, с колющей точностью. Раньше она действительно собиралась «чуть-чуть» придержать силу и просто выиграть — не из милосердия, а из презрения: ей казалось, что Линь Луси не достоин её настоящих техник.

Но теперь — нет. Теперь никакой пощады.

«Это он вынудил», — оправдывала она себя, и гнев заливал разум. «Лицо, которое я потеряла, он вернёт мне сторицей — нет, в сто раз больше».

В прямом эфире чат на секунду притих — и тут же взорвался: обсуждение сменило тему, как будто людям резко подкинули более яркий спектакль.

— Линь Луси посмел ударить богиню по лицу?! Да он легенда!

— Легенда-не-легенда, а Гао Кэюнь — не из тех, с кем легко жить. Линь Луси конец.

— Даже если он сейчас выиграет, дальше в университете ему не дадут дышать.

— Эй... вам не кажется, что вы вообще забыли главное? Откуда у Линь Луси такая сила?!

Но почему — объяснение было слишком неприятным, чтобы его признавать, особенно тем, кто ставил против него. И сейчас эти люди сидели с перекошенными лицами, потому что понимали: деньги уходят, как вода сквозь пальцы.

Их стипендия. Их полмесяца зарплаты. Их жизнь на ближайшие недели. Всё — «нет-нет-нет...»

Бой уже подходил к финалу, и Линь Луси решил: Гао Кэюнь он всё-таки проучит.

Его руки двинулись с пугающей скоростью — за секунду он выбрасывал больше десятка ударов, и все — в лицо. Прямо, без украшений, без сантиментов.

Гао Кэюнь успевала закрыться от одного, двух — даже от трёх и четырёх. Но не от всех. Её скорость уступала, а после нескольких пропущенных ударов голова стала «ватной»: лёгкое сотрясение уже давало о себе знать — зрение плыло, реакция запаздывала, руки становились тяжелее.

В конце она подняла обе руки, прикрывая лицо почти полностью. Линь Луси ударил снова — и в последний момент изменил траекторию, будто ломая её защиту не силой, а умением: кулак ушёл вниз и с глухим, тяжёлым звуком вошёл ей в живот.

— Угх... кх-кх...

Гао Кэюнь согнулась, упала на колени, обхватив живот, и её вырвало кислым содержимым желудка.

Трибуны загудели в ужасе и восторге одновременно. В чате началось безумие.

И среди этого шума кто-то осторожно, почти шёпотом, написал одну фразу — такую, от которой у многих сердце неприятно ухнуло:

— А... кто-нибудь помнит, кто отец Гао Кэюнь?

Лента сообщений на мгновение застыла.

И в этой внезапной паузе все, как один, подумали одно и то же: Линь Луси на этот раз действительно конец.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17160/1605955>